

Глава 3. Таинственная картина (часть 3)

Подручный лавки, до смерти напуганный, дрожал всем телом и ни в какую не соглашался заходить в комнату, словно там затаилось само порождение ада.

— Чуншань... Это в деревне Девяти Семей, у подножия этой горы... — заикаясь, выговорил он.

Цзян Ехуну стало не по себе. Кожу неприятно закололо, а внутри поднялось такое раздражение, что захотелось на ком-нибудь сорвать злость. При одном упоминании горы Чуншань его пробирала ярость, а от мысли о тех двух храмах и вовсе багровело в глазах. С трудом подавив гнев, он выдохнул через зубы:

— Что еще за деревня Девяти Семей?

— Родные края хозяина, — поспешно ответил слуга. — И он, и почтенный Ли Фугуй — оба родом оттуда.

В голове Цзян Ехуна назойливо крутились воспоминания о двух храмах на вершине Чуншань, которые так его бесили. «Придет время — непременно поднимусь туда и спалю их к чертям собачьим», — подумал он.

— Деревня Девяти Семей? Там что, и вправду всего девять дворов?

В разговор вмешался Чжао Чэнь:

— Это место в низовьях Девяти Рек. Раньше там и впрямь было лишь девять семей, но потом они занялись выращиванием риса, и на плодородные земли потянулся народ. Постепенно деревня превратилась в край изобилия, а название оставили в память об основателях. Глава Чу, вы ведь сами выросли в этих краях, неужели не знали?

Цзян Ехун неловко перевел взгляд на «Полет небожительницы», висевшую на стене.

— Просто не сразу сообразил. Заберите и эту картину с собой. Разузнайте, у кого Лу Чан её перекупил. И позовите людей, пусть тащат труп в мертвецкую к Лао Хо. Уходим.

Поскольку обстоятельства и причина смерти Лу Чана в точности повторяли гибель Ли Фугуя, подозрения с А-Жо были сняты. Его наконец выпустили из темницы. Цзян Ехун сдержал слово и восстановил доброе имя юноши, однако череда убийств богатейшего человека столицы и владельца Лавки Собирания Сокровищ породила в городе массу кривотолков. Управа Лянцзина оказалась под мощным давлением, и Цзян Ехуну вызвали на ковер, битый час распекая и требуя немедленных результатов.

Но какой из Цзян Ехуна детектив? Первым делом он приказал подчиненным отправиться в деревню Девяти Семей и выяснить происхождение злосчастной картины, а также разузнать, не было ли у погибших общих врагов. Сам же он засел в придорожной лавке, в одиночку заливая тоску вином.

Три года назад он был главой Люфэн-гэ, легендарной личностью в мире боевых искусств, первым мастером Поднебесной. Кто же знал, что после вызова на поединок величайшего шамана Мяоцзяна он за вечер до схватки подавится грецким орехом и отдаст концы? С тех пор от одного слова «орех» у него мурашки бежали по коже.

Цзян Ехун пил до тех пор, пока хозяин не начал сворачивать лавку. Уходя, он прихватил с собой еще один кувшин. В небе сияла луна, и Ехун, напевая под нос простенький мотивчик, побрел домой. Разумеется, он снова перепутал повороты. Возвращаться в дом Чу Фэя не хотелось: там и куры, и собаки смотрели на него как на врага, и он платил им той же монетой. «Рано или поздно прирежу того петуха и сварю суп», — хмуро размышлял он.

Сделав глоток прямо из горлышка, Ехун зашагал к мосту. Он вспомнил это место — Мост Поглаживания Теней. Здесь часто ошивались столичные грамотеи, которые, проплывая вниз на лодках, завывали заумные и тоскливые стихи, коих нормальному человеку не понять. Ехун окинул мост недобрый взглядом. Проклятая переправа бесила его не меньше, чем эти слащавые книжники.

Нужно было идти дальше, но стоило ему отвернуться, как он заметил на мосту тонкую фигуру в зеленом. Лицо показалось знакомым... Не тот ли это А-Жо из Ижэнь-гэ? В такой час даже коты по подворотням спят, а этот малый, вместо того чтобы нежиться в постели, притащил свою тощую задницу на этот мост — небось, тоже стихи луне читать? «Совсем людям заняться нечем», — подумал Ехун.

А-Жо стоял спиной к нему. В лунном свете его силуэт казался зыбким, почти прозрачным. Фигура была настолько изящной, что со спины его легко можно было принять за женщину — эдакая красавица, окутанная туманом. Но Ехун, к сожалению, отлично знал, что перед ним мужчина.

У А-Жо были каштановые волосы. От парней из Люшаньмэня Цзян Ехун слышал, что матерью юноши была первая женщина-коронер столицы, Чай Цинцин, а отцом — музыкант из Западного края. По какой-то причине мать рано ушла из жизни, а отец тяжело заболел. Чтобы оплатить его лечение, А-Жо сам продал себя в Ижэнь-гэ. Горькая судьба.

Листая записи Чу Фэя, Ехун узнал, что Чай Цинцин когда-то оказала ловцу большую услугу. Чу Фэй даже пытался накопить денег, чтобы выкупить парня из этого вертепа, да только на жалованье сыщика Люшаньмэня особо не разгуляешься — до сих пор не набрал нужной суммы.

Хоть Цзян Ехун и был грубым рубакой из мира «рек и озер», сердце у него было отходчивое. К тому же, раз уж он занял тело Чу Фэя, а А-Жо — сын его спасительницы, оставить парня в беде

он не мог. Ехун развернулся и решительно зашагал к мосту.

А-Жо долго смотрел на луну, затем, стиснув кулаки, начал карабкаться на перила. Цзян Ехун похолодел. В три прыжка он взлетел на мост и мертвой хваткой вцепился в руку юноши. От резкого рывка поднялся ветер; пряди волос А-Жо мазнули Ехуна по лицу, принеся тонкий аромат цветов. Парень ввалился в объятия ловца, испуганно распахнув глаза. В лунном сиянии его затуманенный взгляд казался холодным и до боли беззащитным, а лицо — белым, как мрамор. Юноша замер, не сводя глаз с разгневанного лица Ехуна.

— Ты только из тюрьмы вышел, и что, сразу решил в речке освежиться? — рявкнул Цзян Ехун, грубо отпихивая А-Жо от края.

В глазах юноши стояли слезы. Он опустился прямо на камни моста, и плечи его задрожали.

— Хозяйка Гуй-и сказала, что из-за меня Ижэнь-гэ понес убытки. Она уже нашла покупателя... хочет продать меня в наложники какому-то богатому старику. Я... я не могу...

Цзян Ехун с досадой потер лицо. Ну что за напасть? Почему вокруг столько страданий?

— И поэтому ты решил свести счеты с жизнью?

А-Жо разрыдался.

— У меня нет иного выхода. Смерть была бы избавлением. Все эти годы моя жизнь была хуже смерти... По крайней мере, в этот раз я смогу сам распорядиться своей судьбой.

Голова у Ехуна пошла кругом. Он облокотился на перила и прокричал в сторону реки:

— Да какой ты мужик после этого, если из-за каждой беды в воду лезешь?! Как там говорили... Пока горы стоят, дрова не кончатся! Потерпи немного... В общем, пока жив — есть надежда!

А-Жо утирал слезы.

— Какая у меня может быть надежда? Всю жизнь провести в борделе, ждать, пока увянет красота и меня вышвырнут на улицу? Или сейчас смириться и стать игрушкой для вельмож? А когда им надоест и они меня выбросят — куда я пойду? На том, кто жил в «веселых кварталах», до гроба будет клеймо. Для меня нет места в этом мире. Смерть — это единственный путь.

— Путь в задницу! Тебе сколько лет-то, чтобы о смерти мечтать? Если жизнь не нужна — отдай её мне, я-то еще пожить не успел! — Вспомнив тот треклятый орех три года назад, он снова разозлился. — Перестань реветь! Взрослый парень, а развел тут слякоть, не стыдно? Эта твоя... хозяйка... за сколько она тебя продает?

А-Жо шмыгнул носом.

— За пять золотых слитков. Господин Чу, зачем вам это?

— Пять слитков золота! — Цзян Ехун вцепился в свои волосы. Проклятье! Будь он сейчас главой Люфэн-гэ, для него это были бы сущие гроши. Ехун стиснул зубы. — Иди домой. А завтра утром я принесу деньги и выкуплю тебя.

А-Жо посмотрел на него с нескрываемым изумлением.

— Господин Чу... о чем вы говорите?

— Я говорю, что завтра приду с золотом и заберу твою закладную! А ты прямо сейчас топай назад и не вздумай больше лазать по перилам! — Цзян Ехун сам не понял, как это выкрикнул. Голос эхом отразился от глади воды. «Я точно спятил», — пронеслось в голове.

А-Жо нерешительно спросил:

— Господин Чу, мы ведь друг другу никто... Почему вы помогаете?

— Да что ты заладил «почему» да «почему»! Считаю, что я сегодня просто добрый! Пойдешь ты наконец или нет?!

А-Жо, все еще не веря своим ушам, побрел прочь. Цзян Ехун в сердцах выкрикнул что-то нечленораздельное и сел на мостовую, горько рассмеявшись. Безумие. Чистой воды безумие. Поддался порыву, наделал глупостей... Где он, простой сыщик, возьмет пять золотых слитков?

Ехун пошатываясь поднялся и среди ночи полез на гору Чуншань. Там, под старой кривой сосной, он принялся яростно разгребать землю, пока не наткнулся на деревянную шкатулку. Смахнув с неё пыль, он облегченно вздохнул — три года пролежала и на месте.

Эту вещицу он отобрал у купца из Западного края. Называлась она «Жемчужина Кровавого тумана». Говорили, что если закопать её в месте, залитом лунным светом, её блеск станет еще чище. Тогда, спяну, Цзян Ехун решил, что это дерево — идеальный тайник. Думал выкопать её после поединка, а в итоге — подавился орехом.

Спустившись с горы, Ехун дождался рассвета и первым делом постучал в двери ломбарда. Вышел он оттуда, прижимая к груди тяжелый ларец. Жемчужина была бесценным сокровищем, и если бы не спешка, он выручил бы за неё втрое больше, но сейчас и одного ящика слитков было достаточно.

Ижэнь-гэ

Гуй-и перевела взгляд с пяти золотых слитков на столе на Цзян Ехуна.

— Господин Чу... вы это серьезно?

Цзян Ехун терял терпение.

— Золото настоящее?

Хозяйка, не отрывая глаз от блестящего металла, закивала:

— Чистейшее.

— Тогда чего ты на меня вылупилась? Давай сюда его закладную.

Гуй-и никак не могла взять в толк: неужто знаменитый на всю столицу ловец из Люшаньмэня питает слабость к мужчинам? Она переспросила:

— Вы уверены, господин Чу?

Ехун с грохотом ударил по столу.

— Я золото перед тобой выложил, а ты всё спрашиваешь! Ты что, не выпалась?!

— Да нет же, просто... — Гуй-и слащаво улыбнулась. — Вам ведь эти деньги нелегко достались. Уверены, что хотите потратить всё на покупку мужчины?

— Не твое дело, легко они мне достались или нет. Если считаешь, что золото лишнее — давай его сюда, а парня я и так заберу.

— Ой, ну что вы, что вы! Я просто забочусь, чтобы вы потом не пожалели. Раз уж господин так решил — по рукам!

Такой шанс упустить было нельзя: тот старик, с которым она договорилась раньше, в последний момент начал торговаться и давал всего три слитка. А тут — сразу пять! Гуй-и едва не отвесила земной поклон «богу богатства», который сам пришел к ней в руки.

Она быстро вынесла бумаги. Ехун мазнул по ним взглядом и протянул А-Жо:

— Это твоя?

А-Жо молча кивнул. Ехун подхватил меч:

— Собирай манатки и уходим!

Юноша с благодарностью поклонился ловцу до самой земли и бросился за вещами. Гуй-и, не в силах сдержать любопытство, прищурилась:

— И когда же наш А-Жо успел вам так приглянуться, глава Чу?

Цзян Ехун едва не подавился чаем.

— Я... Мать А-Жо, Чай Цинцин, была лучшим коронером столицы. Она помогла Люшаньмэню раскрыть немало дел. Так что я просто...

Гуй-и иронично закатила глаза.

— Ох, ну надо же. Если бы в Люшаньмэне хоть у кого-то тогда была совесть, как у вас сейчас, А-Жо не пришлось бы продавать себя в наш Ижэнь-гэ.

Когда всё было кончено, А-Жо вышел к ним. Он сменил прозрачное зеленое одеяние на простой серый халат. Лицо было чистым, без пудры и румян, а яркий узор со лба стерт. Перед Ехуном стоял юноша с чистой, как родниковая вода, кожей и ясными глазами. На мгновение ловец даже замер, застигнутый врасплох этой переменной.

— Ну, глава Чу, теперь будете видеться каждый день, — хихикнула Гуй-и.

Ехун наградил её тяжелым взглядом и махнул А-Жо. На улице шум и суета действовали ему на нервы.

— Теперь ты свободен. Иди куда глаза глядят.

А-Жо опустил голову, и в его голосе послышались слезы:

— Господин хочет, чтобы я ушел? Но у меня нет никого на всем белом свете. Куда мне идти?

Действительно... Куда податься такому хрупкому существу? Тяжелый труд он не потянет. Но если притащить его домой — прощай покой. По всей столице поползут слухи, что ловец Чу заделался любителем мальчиков.

А-Жо посмотрел на него с мольбой:

— Господин, позвольте мне остаться с вами. Я буду служить вам верой и правдой. Я умею стирать, готовить, даже шью неплохо.

Цзян Ехун почувствовал, что влип окончательно. Против этого взгляда он был бессилён.

— Ладно, ладно! Одной миской риса больше, одной меньше... Пошли уже. Домой.

<http://bllate.org/book/17428/1648558>